

Денацификация и уголовное преследование нацистских военных преступников в союзнических оккупационных зонах Германии после Второй мировой войны: опыт и уроки¹

Разгром нацистской Германии в 1945 году породил для коалиции союзников ряд проблем, первойшей из которых была денацификация. В историографии под этим термином понимают комплекс мероприятий по очищению государственной, общественно-политической и экономической жизни Германии от последствий господства фашистского режима с целью проведения демократического преобразования страны. Конкретные направления денацификации были определены решениями Потсдамской конференции (июль 1945 года) и постановлением *Контрольного совета* по Германии (октябрь того же года). В ходе их реализации предполагалось:

1. Уничтожить национал-социалистскую партию, её филиалы и подконтрольные ей организации.
2. Распустить все нацистские учреждения и обеспечить создание условий для того, чтобы они не возродились ни в какой форме.
3. Предотвращать всякую нацистскую деятельность и пропаганду.
4. Привлечь к суду лиц, виновных в военных преступлениях против мира и человечности, а также активных нацистов.
5. Удалить нацистов со всех постов.
6. Отменить фашистское законодательство.

* **Владимир Николаевич Мамяченков** – канд. ист. наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

¹ Статья написана при участии С.В.Фельдмана.

7. Устранить нацистские доктрины из системы народного образования.

Можно сказать, что официальное начало процессу денацификации положил Международный военный трибунал в Нюрнберге, который в своем приговоре (оглашён 30 сентября – 1 октября 1946 года) осудил главных военных преступников и объявил преступными организациями нацистскую партию и порожденные ею структуры – гестапо, СД (служба безопасности), СС. Но фактически денацификация началась с момента оккупации Германии.

В отношении физических лиц денацификация предполагала, во-первых, проверку всех подозреваемых на предмет активной нацистской деятельности, а, во-вторых, выявление и наказание военных преступников. В зависимости от тяжести совершенных проступков в отношении каждого конкретного лица предполагалось принять решение либо об увольнении его с государственной должности (если таковое лицо ее занимало), либо о привлечении его к суду. При этом увольнение представляло собой мероприятие скорее профилактическое, а интернировались, напротив, те немцы, которые рассматривались как лица, представляющие угрозу для оккупационных войск. К этой категории относились в первую очередь так называемые «подозреваемые военные преступники», т.е. люди, которых должны были обвинять в преступлениях. Кроме того, интернирование производилось на основании изданного в апреле 1945 года «Справочника категорий арестованных», который и служил указанием к действию для производства арестов. Согласно ему все члены нацистского руководства были разделены на 6 категорий по степени опасности.

Итак, денацификация в отношении физических лиц предусматривала два мероприятия: профилактику и наказание. Поскольку осветить весь многогранный процесс денацификации в рамках одной статьи невозможно, мы остановимся только на одном ее важном направлении, а именно на наказании нацистских преступников за совершенные ими преступления против человека.

Считается, что вообще идея наказания нацистских преступников за совершенные злодеяния впервые была высказана Президентом США Франклином Рузвельтом 7 октября 1942 года, когда он заявил о намерении союзников наказать нацистских главарей, «ответственных за организованное убийство тысяч невинных людей и нарушивших все принципы Христианской веры». Ровно через месяц, 7 ноября, аналогичную мысль высказал Иосиф Сталин в

своем выступлении на торжественном заседании в Москве: «Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Между тем, не все знают, что уже 12 января 1942 года в Лондоне собрались представители девяти оккупированных Германией стран² с тем, чтобы привлечь внимание мирового общественного мнения к преступлениям нацистов, совершаемых на территориях этих стран. В принятой на этом совещании декларации осуждался нацистский «режим ужаса, сопровождающийся заключениями, массовыми изгнаниями, казнями заложников и убийствами» и звучал призыв к «наказанию посредством организованного правосудия виновных или ответственных за эти преступления».

Конкретное воплощение эти намерения получили в Московской декларации от 30 октября 1943 года. Декларация гласила, что германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, ответственные за военные преступления, будут отосланы в страны, где они совершили свои преступления, и там преданы за них суду. Текст декларации был подготовлен У. Черчиллем.

Меньше известен тот факт, что уже 26 октября того же 1943 года в Лондоне собралась Комиссия по военным преступлениям, составленная из 15-ти представителей союзнических наций, чтобы обсудить предстоящие (!) суды над немецкими военными преступниками. Таким образом, практическая работа по подготовке послевоенных процессов началась уже задолго до окончания войны.

Вопрос о привлечении к ответственности и наказании нацистских преступников обсуждался также на всех конференциях трех ведущих держав-победительниц – Тегеранской в 1943 году, Ялтинской и Потсдамской в 1945 году. На последней Трумэн, Сталин и Эттли (он накануне стал премьер-министром, заменив на этом посту Черчилля) решили «нацистских руководителей партии, влиятельных сторонников нацистов и руководителей нацистских учреждений (...) арестовывать и интернировать».

² Бельгии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Франции, Чехии и Югославии.

Собственно говоря, это решение, как мы сказали, и реализовывалось уже с момента разгрома Германии. Непосредственная подготовка к судебным процессам по делам военных преступников началась сразу же после ее оккупации. Уже к лету 1945 года были созданы все важнейшие организационные предпосылки для подобных процессов. Как уже было сказано, наиболее ярким проявлением общей воли держав-победительниц в этом вопросе стал «суд народов» – знаменитый Нюрнбергский процесс. Но не надо забывать, что он был лишь верхушкой айсберга: помимо него состоялись *сотни* процессов над преступниками меньшего ранга.

При этом расторопнее всех союзников оказались англичане. В середине июля 1945 года особый приказ военного министерства Великобритании установил, что британские главнокомандующие получали право созыва военных судов для проведения судебных процессов по делам военных преступников. Как только эти особые полномочия были ими получены, процессы должны были начаться в самом скором времени. На них как военные преступники должны были судиться только лица, которых обвиняли в нарушении права войны, то есть в убийствах или истязаниях военнопленных или жителей оккупированных стран.

Многочисленные аресты начались сразу же с приходом союзнических войск. От страха натолкнуться на сильное национал-социалистское движение сопротивления примерно 30 000 человек были интернированы с самого возникновения британской зоны оккупации³. К арестам предполагаемых военных преступников военные власти в британской оккупационной зоне были подготовлены, по мнению некоторых исследователей, плохо. Правда, в апреле 1945 года фельдмаршал Монтгомери назначил специальные «команды по расследованию преступлений», но имелись лишь три такие группы, состоявшие из четырех офицеров каждая. Все же британцы арестовали до июня 1946 года тысячи потенциальных военных преступников. Кроме того, имелись списки, содержавшие данные на эту категорию лиц. Эти списки должны были помочь при поисках среди уже интернированных людей.

«Подозреваемые военные преступники» должны были размещаться в отдельных, огороженных колючей проволокой зонах полевых лагерей, чтобы исключить любые их несанкционированные контакты с внешним миром (хотя в реальности это трудно

³ Taal'e Claudia. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. S.37.

было соблюсти, например в лагерных госпиталях). К 1949 году только через британские лагеря интернированных на территории Германии прошли 90 614 человек. Из них более 71 000 человек интернировались уже в первом послевоенном году, а большинство из этого количества (примерно 65 000 человек) интернировались автоматически, так как относились к «арестным» категориям⁴. Сам арест производился вполне обыденно: либо по месту постоянного проживания подозреваемых, либо в тот момент, когда они обращались за оформлением различного рода бумаг. Этому способствовали (как тут не вспомнить!) знаменитые немецкие законопослушание и дисциплина.

Как это было принято в лагерях любой страны, интернированные сразу же подвергались пропагандистской обработке. Опять надо отдать должное британским спецслужбам: уже в октябре 1944 года в их недрах обсуждался вопрос о том, какой материал может быть использован для перевоспитания немецкого народа. Наконец, решено было создать фильм как основное средство информации о зверствах немцев под названием «Мельницы смерти» – в нем рассказывалось о преступлениях в немецких концентрационных лагерях. Англичане надеялись, что немецкое население узнает масштабы этих зверств и испытает соответствующее чувство вины.

Параллельно пропагандистской, в лагерях велась, естественно, и агентурная, «оперативная» работа. При этом чины британской армии и доверенные лица среди задержанных, например врачи или священнослужители (некоторые из них шли добровольно в лагерь, чтобы помогать пленникам), выполняли роль осведомителей. Надо сказать, что здесь было широкое поле деятельности: ведь первое время, примерно до весны 1946 года, интернированные сами толком не знали, почему они находились в заключении (факт наличия «автоматических категорий ареста» от них скрывался). Многие из интернированных были абсолютно уверены в грядущей новой мировой войне между западными оккупационными властями и Советским Союзом и предполагали, что они должны были использоваться для этого, то есть выдавали желаемое за действительное. Это происходило чаще всего у бывших эссовцев и высших офицеров, но с течением времени, что интересно, таких интернированных становилось все больше и больше.

⁴ Taake Claudia. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. S. 40.

Кроме изучения «общественного мнения», оперативная работа помогала выявить и конкретных военных преступников, в том числе и для выдачи их органам правосудия тех стран, где они совершали преступления. Надо сказать, что самый большой страх интернированных испытывали перед выдачей «восточным» странам: Советскому Союзу, Польше, Чехословакии, Югославии. При этом больше всего таких выдач пришлось на Польшу. Зная масштабы злодеяний в этой стране и предвидя беспощадность польских судов, конкретные фигуранты нередко кончали жизнь самоубийством, когда узнавали о своей предстоящей выдаче. Повторяем: почему-то (особенно первое время, пока в союзнических оккупационных зонах не прошли первые процессы) интернированные очень рассчитывали на снисходительное к себе отношение со стороны хотя бы англо-американцев. Правда, разочарование пришло сразу же, как только союзники начали десятками вешать бывших нацистов по приговорам судов...

Функционирование подобных лагерей неизбежно сопровождалось и еще одной проблемой: интернирование и долговременное содержание под стражей десятков тысяч человек было непростой задачей даже для отлаженной машины материально-технического снабжения союзников, при том что общая экономическая ситуация в послевоенной оккупированной Германии была катастрофической. Так, в трех западных оккупационных зонах было разрушено 45% жилых помещений. В имеющемся же жилом фонде часто размещались оккупационные войска. Жилищный кризис усугублялся еще и тем, что в последние месяцы войны в Западную Германию прибыло примерно 10 миллионов беженцев из бывших немецких восточных областей. При этом из-за неравномерной половозрастной структуры населения возник дефицит рабочей силы на рынке: с одной стороны, имелось избыточное предложение служащих и неквалифицированных рабочих, а с другой – не хватало квалифицированных рабочих, и прежде всего мужчин. По этой причине женщины нередко использовались на тяжелых физических работах. Однако самой большой проблемой британского управления было плохое состояние здоровья населения, что было вызвано недостаточным уровнем питания.

В течение 1945 года, а тем более суровой зимой 1945/1946 года (суровой, конечно, по меркам Средней Европы) потребность в продуктах питания для 23-х миллионов жителей британской оккупационной зоны ежемесячно составляла многие десятки

тысяч тонн. Ввиду такого плохого положения со снабжением страны в целом ситуация с интернированными отходила на задний план, то есть лагеря попросту снабжались по остаточному принципу. Поэтому численность категории «автоматического ареста» неуклонно снижалась с зимы 1945/1946 года, и ее удельный вес в общей численности интернированных больше уже не увеличивается.

Британское военное министерство имело всего девять лагерей для интернированных лиц. Самым, пожалуй, известным (и в то же время типичным) из них был лагерь под названием Падерборн-Штаумюле. Во время режима национал-социалистов на территории этого лагеря размещался гарнизон войск СС. После окончания войны здесь несколько месяцев находился лагерь для перемещенных лиц. Лагерь для интернированных был оборудован в июле 1945 года и просуществовал три года. При этом численность интернированных в Падерборн-Штаумюле составила за этот период 10 289 человек.

Сам лагерь состоял из пяти разделенных друг с другом полевых лагерей и госпиталя, в котором работали и сами интернированные. Падерборн-Штаумюле был и самым большим лагерем подобного рода в британской зоне оккупации. В апреле 1946 года там содержалось более 10 000 человек, из них примерно 850 женщин⁵. Сравнительно большая смертность в данном лагере объясняется тем, что условия жизни и обеспечение питанием в нем было хуже, чем в любом другом лагере. Первый случай смерти от истощения, произошедший уже в ноябре 1945 (!) года, стал предметом разбирательства в британской оккупационной администрации, которая попыталась улучшить условия жизни в лагере. В апреле 1946 года лагерь посетила специальная инспекция, а два месяца спустя в нем побывали английские парламентарии. К этому времени средний вес интернированных уже вырос примерно на семь килограммов.

Весной 1946 года в пределах лагеря был создан особый лагерь для предполагаемых военных преступников, огороженный колючей проволокой. Он был назван «лагерем для интернированных преступников», и в нем содержалось примерно 370 высоких чинов СС и функционеров нацистской партии – кандидатов на выдачу другим странам и тех, кто мог понадобиться уже заседавшему Нюрн-

⁵ Taake Claudia. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. S. 44.

бергскому военному трибуналу. Окончания этого процесса большинство интернированных ожидали с нетерпением. И тому были причины. Во-первых, весной 1946 года всем содержащимся в лагерях было объявлено, что они должны будут оставаться там еще неопределенное время до тех пор, пока не будет объявлен приговор Нюрнбергского процесса. А во-вторых, опять же большинство заключенных было уверено, что Международный военный трибунал вынесет оправдательный приговор, а значит, они как исполнители приказов вышестоящего командования будут освобождены. И сьюва – разочарование.

Таким образом, пресловутое немецкое законопослушание сыграло с интернированными злую шутку: они не были готовы к возможности нести ответ за свою принадлежность к СС или другой организации национал-социалистов. И совершенно неожиданным для многих из них было признание Нюрнбергским трибуналом НСДАП, СС, гестапо, СД и других структур Третьего рейха преступными организациями. Как сообщают источники, после этого «общее настроение упало, интернированные чувствовали себя несправедливо униженными»⁶.

В зоне оккупации Великобритании было установлено, что суды формируются в составе пяти или семи британских офицеров. В случаях, когда подсудимый обвинялся в военных преступлениях вне Германии, то офицер соответствующей страны мог допускаться как заседатель (именно так и произошло на первом Равенсбрюкском процессе, где в качестве заседателя участвовал представитель Польши). Хотя военно-полевые суды из офицеров существовали и ранее, но судопроизводство уже не должно было вестись подобно тому, как это делалось в условиях военного времени. Поэтому для послевоенных процессов вырабатывался особый порядок ведения, который должен был гарантировать быстрое и справедливое решение по законам британской юстиции, и ни один подсудимый не мог быть казнен или подвергнут любому другому наказанию без суда.

Порядок функционирования британского военного суда определялся королевским поручением, изложенным в «Правилах для уголовных преступлений» от 14 июня 1945 года в соответствии с действующим Положением о военных судах. Таким образом, британский военный суд состоял, как уже было сказано выше, из 3–

⁶ Taake Claudia. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. S.46.

5 офицеров в качестве судей, председателя суда, обвинителя и квалифицированного юриста как консультанта.

В первых британских процессах даже защитники были молодыми английскими офицерами (ведь победители судили побежденных!). При этом они отбирались по их «симпатиям к фашистской партии в Англии» (такую разнузданную демократию нам, россиянам, и сейчас понять нелегко). Позднее, например, в гамбургских (равенсбрюкских) процессах обвиняемые уже имели немецких адвокатов. Вместе с тем британцы хотели доказать их беспристрастность, а поэтому все заседания судов были публичными. Приговор должен был быть утвержден более высоким офицером. Возражения против вынесенного приговора могли оформляться как «особое мнение».

Консультант (адвокат), являясь квалифицированным юристом, должен был консультировать судей во всех юридических и процедурных вопросах и помогать в приведении доказательств. Он не принимал участия сам в обсуждении приговора, но давал перед тем заключительный обзор о правовом статусе и положении доказательства процесса. В процессах, не имеющих большого значения, консультант часто не привлекался: там хватало и того, что председатель или один из заседателей юридически был квалифицирован.

На решение суда не принимались никакие апелляции. Тем не менее осужденный мог подать прошение компетентному в утверждении командиру о помиловании или смягчении наказания. Военный министр или каждый уполномоченный им офицер, который должен был занимать должность по меньшей мере генерал-майора, мог смягчать вынесенный приговор или утверждать его, при условии, что его власть или звание позволяли сделать это⁷. (Например, после первого Берген-Бельзенского процесса это сделал фельдмаршал Монтгомери).

В случае осуждения суды были правомочны выносить смертные приговоры, наказания лишением свободы, а также назначать имущественные взыскания. Имущественные взыскания и назначение денежных штрафов должны были практически обеспечить возможность для возмещения причиненного ущерба. Вышеупо-

⁷ Schäfer Silke. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. S. 33.

мянутые Правила предусматривали также, что осужденный мог подавать апелляцию. Решение по этим апелляциям должны были приниматься незамедлительно.

Процедура запланированных процессов была точно расписана. Сначала подсудимый должен был в ответ на заданный ему вопрос о том, признает ли он себя виновным, произнести всего лишь одно слово: «виновен» или «не виновен». Затем, же он был в какой-то мере зрителем на собственном суде. Здесь в противоположность немецким судам, которые ставили допрос подсудимых на передний план, свидетельские показания играли более важную роль. Подсудимый не имел возможности говорить непосредственно, а должен был ждать своей очереди на перекрестный допрос. Это происходило только в том случае, если судебное следствие было закрыто.

Приговор распадался на две части. Сначала подсудимый признавался либо «виновным», либо «невиновным». Во второй же части провозглашалась мера наказания. Защитник мог выступать по ходу судебного заседания, но просить о снисхождении и говорить о смягчающих обстоятельствах мог только после вынесения приговора. Чтобы относиться к каждому подсудимому в высшей степени непредвзято, суд узнавал о возможных прежних судимостях обвиненного только после оглашения приговора.

Что касается военных судов в других оккупационных зонах – американской, советской и французской, то условия их функционирования хотя и имели некоторые отличия (вызванные, прежде всего, особенностями национального судопроизводства), но в целом служили одной согласованной цели – наказанию нацистских преступников. Например, на Берген-Бельзенском процессе фигурантам предъявлялись обвинения в индивидуальных убийствах людей, внесенных в специальный список, в то время как на Нюрнбергском процессе, а также процессах персонала концлагерей Бухенвальд и Дахау в индивидуальных убийствах никто не обвинялся.

Итак, с 1946 года военные трибуналы союзников заработали на полную мощность... Каковы же были итоги их деятельности? Опубликованные на Западе цифры говорят следующее: в американской зоне оккупации был привлечен к судебной ответственности 1941 человек. Из них всего было осуждено 1517 человек, в том числе к смертной казни – 324 человека, к пожизненному заключению – 247 человек, к различным срокам лишения свободы – 946 человек. В британской зоне оккупации всего было осуждено

1085 человек, в том числе к смертной казни – 240 человек. Во французской зоне оккупации было осуждено 2107 человек, в том числе к смертной казни – 104 человека. (Кстати, в советской зоне оккупации было осуждено 17 866 человек. Меры наказания нам неизвестны.)⁸

Таким образом, согласно приведенной статистике, общее число осужденных в 1945–1949 годах в трех зонах оккупации союзников составило 4709 человек. Правда, в широкой литературе чаще фигурирует другая, близкая к приведенной, цифра – 5025 человек. Из них к смертной казни было приговорено, как нетрудно сосчитать по приведенным нами цифрам, 668 человек (в литературе обычно фигурирует цифра «более 500 человек»). Наконец, казнено было 407 человек (обычно пишут: «более 400»).

Как мы уже отмечали, в трех союзнических зонах (помимо советской) особенную активность проявили британские оккупационные власти. И понять их можно: наконец-то им предоставилась возможность рассчитаться за варварские бомбардировки английских городов, за позор Дюнкерка, за обман Мюнхена. Всего британцы провели в своей зоне 357 (!) процессов, при этом в 314-ти процессах фигурировало 989 немецких граждан. Для «обслуживания» такого большого количества обвиняемых одновременно функционировали от 2 до 8 военных судов⁹.

При этом большинство британских процессов касались преступлений против группы лиц, на которых привлекались к ответственности коменданты, надзиратели и другой персонал концентрационных лагерей: Берген-Бельзена, Аушвица (Освенцима), Гросс-Розена, Ладе-Везера, Нойграбен-Тифштака, Нойенгамма, Равенсбрюка, Зазеля, Штокен-Алена, Найтсвеллер-Штрутофа и других. Именно на этих процессах были осуждены к смертной казни даже женщины – 13 бывших надзирательниц и лагерных медицинских сестер. При этом помилована была только одна из них, одна покончила с собой до казни, судьба еще одной неизвестна, а остальные 10 были повешены, невзирая на их пол и возраст – от 21-го до 60-ти лет.

⁸ Schäfer Silke. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. S. 28–29.

⁹ Schäfer Silke. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. S. 32.

Но, видимо, такая решительность и суровость военных судов устраивала не всех даже в странах-победительницах. Так, в Великобритании критика судебных процессов по делам военных преступников нарастает уже с 1946 года. Это привело к тому, что британское правительство лейбористов во главе с премьер-министром К.Эттли в 1949 году прекращает деятельность военных судов¹⁰. Мало того, начинается поэтапная кампания по сокращению сроков наказаний уже осужденным союзническими военными судами военным преступникам. Так, с 1 сентября 1949 года при «хорошем поведении» сокращалась треть срока. Со 2 февраля 1950 года пожизненное заключение превращалось в 21 год заключения. С 3 декабря 1951 года в срок заключения стали засчитывать срок предварительного заключения (тут, правда, нечего возразить по существу). Наконец, с 4 апреля 1955 года максимальный срок заключения снижается до 20 лет. Таким образом, в 1957–1958 годах тюрьмы союзников покидает большинство осужденных. Это, правда, никоим образом не означало, что нацистские преступники в союзных оккупационных зонах отныне могли чувствовать себя спокойно.

Начало этого процесса «гуманизации» совпало по времени с началом «холодной» войны (вспомним знаменитую фултоновскую речь У. Черчилля). Это, в свою очередь, дало повод советским средствам массовой информации в течение многих последующих лет утверждать, что на Западе, особенно в Западной Германии, «нашли убежище» и «преспокойно живут» многие тысячи нацистских преступников (что в общем-то было, конечно, явной ложью). При этом в нашей стране замалчивалась информация о том, какое наказание понесли многочисленные коменданты¹¹ и надзиратели

¹⁰ Таким образом, первым британским судебным процессом по делам военных преступников был первый Берген-Бельзенский процесс (проходил с 17 сентября по 17 ноября 1945 года), а последним – процесс генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна (проходил с 23 августа по 19 декабря 1949 года).

¹¹ Кстати, о том, как сложились судьбы комендантов нацистских концлагерей. На сайте <http://www.ess.uwe.ac.uk/> можно найти сведения о 56 наиболее известных комендантах. Из них 42 (ровно три четверти) были казнены, трое покончили с собой, один был убит, 9 осуждены к лишению свободы и только один остался безнаказанным. По этим цифрам видно, как несладко пришлось комендантам гитлеровских концлагерей. В отличие от их коллег – комендантов сталинских лагерей.

фашистских концлагерей, видные эсэсовцы и функционеры нацистской партии, не попавшие в руки советского правосудия. В результате абсолютное большинство россиян просто не знает, что после Второй мировой войны прошел, как мы уже сказали, целый ряд (сотни!) судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками как в оккупированных Германией странах, так и в ней самой.

После же 1949 года суды над военными преступниками проводились уже в Федеративной Республике Германии, созданной на территории упомянутых трех зон оккупации. Видимо, последний из таких судов состоялся совсем недавно – уже в 2002 году. На нем был осужден 93-летний (!) нацист. А годом раньше в СМИ появилось такое сообщение:

„24 Апрель 2001г.

В Германии начался суд над очередным нацистским преступником

Возможно, что он станет последним в истории осужденным за преступления, совершенные на службе третьему рейху. Перед судом предстал бывший офицер «СС» Антон Мэллот. Ему 89 лет. Он почти слепой и страдает раковым заболеванием. Из-за слабого здоровья подсудимого слушание его дела проходит прямо в одной из мюнхенских тюрем, куда его перевезли из дома престарелых. Несмотря на многочисленные заболевания, суд решил, что Мэллот дееспособен и вполне в состоянии отвечать за свои преступления. Он служил охранником в концентрационном лагере Терезиенштадт близ Праги. Как утверждают свидетели, в сентябре 1943 года он застрелил заключенного-еврея, который был виноват лишь в том, что пытался спрятать под тюремной робой кочан цветной капусты. В январе 45-го Мэллот заставил двух заключенных раздеться догола, а третьему приказал поливать их водой до тех пор, пока несчастные не превратились в ледяные глыбы. Судья призвал бывшего нациста облегчить душу и признаться во всем. Но пока Антон Мэллот отрицает свою вину.”

Добавим к сказанному, что в настоящее время (2005 год) в Германии отбывает пожизненное тюремное заключение одна из самых одиозных надзирательниц Майданека и Освенцима – 88-летняя Луиза Данц. В 1947 году она уже была приговорена к пожизненному заключению, а спустя 8 лет помилована польским правительством. Но в 1996 (!) году по вновь открывшимся обстоятельствам ей снова, уже в Германии, был вынесен обвинительный приговор. Можно также напомнить «нелегкие» послевоенные

судьбы и двух других надзирательниц – Гермины Браунштайнер и Хильдегарт Лачерт, а также медсестры Герды Ганцер, которых германское правосудие преследовало буквально до самой их смерти. Вот живые примеры, как надо наказывать злодеев, виновных в преступлениях против человечности! И вспомним, как несколько лет назад российские СМИ лили крокодиловы слезы и расплывались в сочувствии бывшему палачу-энкавэдэшнику, привлеченному к ответственности в одной из стран Балтии. А ведь совсем недавно эти же СМИ громко вещали о том, что «к подобным преступлениям не должен применяться срок давности». Прекрасный пример готтентотской морали!

Таким образом, искаженное представление о западногерманской юстиции как о юстиции профашистской глубоко проникло в сознание наших людей. Так, даже такой талантливый и интересный автор, как Валерий Шамбаров, в одном из своих исследований написал об известной нацистке Ильзе Кох буквально следующие строки: «Жену коменданта Бухенвальда Ильзе Кох...приговорили к пожизненному заключению. Вскоре срок был сокращен до 4 лет. И свободу она обрела в том же 1951 году»¹². (Правда здесь только то, что Ильзе Кох действительно сначала заменили пожизненный срок осуждения на четырехлетний, из которого она отсидела только два года – с 1947 по 1949 годы. Но, помилованная американским генералом Клеем, главноначальствующим в американской оккупационной зоне, она была на свободе совсем недолго: в том же 1949 году Ильзе Кох была снова арестована и привлечена к суду по вновь открывшимся обстоятельствам. А спустя два года, в 1951 году, она вовсе не обрела свободу, а снова была приговорена к пожизненному тюремному заключению, в котором и пребывала 16 лет – до 1 сентября 1967 года, когда покончила жизнь самоубийством в своей камере. Так что не будем завидовать Ильзе Кох – она сполна заплатила за свои преступления.)

Мы, конечно, не будем утверждать, что *все* нацистские преступники получили по заслугам. Известны случаи, когда некоторые видные фашистские деятели отделались сравнительно мягкими наказаниями. Но сколько бы ни лгали советские СМИ, итоги денацификации в современной Германии налицо, и ничто в ней не напоминает Третий рейх. В то время как современная Россия буквально дышит зловонными миазмами своего недавнего ленинско-

¹² *Шамбаров В.* Государство и революции. М., 2002. С. 441–442.

сталинского коммунистического прошлого, что, в частности, ярко проявляется в историографии. Это и апология пакта Молотова–Риббентропа, и прославление военной и дипломатической «мудрости» Генералиссимуса и его приспешников (зайдите в екатеринбургский магазин «100 000 книг» – там увидите несколько полок книжонок, посвященных Сталину), и обеление роли советской стороны в развязывании послевоенной «холодной» войны. До сих пор зачем-то прячут грязные тайны сталинского режима, как это особенно наглядно проявилось в деле о Катынском расстреле польских офицеров. И, наконец, давайте вспомним, кто из сталинских преступников (тех же комендантов и надзирателей наших, советских, лагерей смерти) понес заслуженное наказание? Статистики на этот счет нет, но можно не сомневаться – почти никто.

Вообще двойные стандарты, прочно укоренившиеся в российском обществе, просто поражают. Совсем недавно наши СМИ опять подняли истерический визг по поводу «марша эсэсовцев» в Риге, в котором участвовали бывшие военнослужащие войск СС. Позволим себе задать такой вопрос: а если бы аналогичное мероприятие провели в Москве бывшие военнослужащие наших войск НКВД, например, дивизии под командованием генерал-майора Гвишиани (той самой, напомним, которая 23 февраля 1944 года заживо сожгла все население аула Хайбах на территории нынешней Чечни – всего 705 человек), то реакция СМИ была бы такой же? Хочется задать и второй вопрос: а чем при проведении подобных этой и других бесчеловечных акций отличались «наши» энкавдэшники и «их» эсэсовцы? Для нас ответ очевиден: и те, и другие являются преступниками, но с той разницей, что СС была официально объявлена преступной организацией, а наши «органы», совершившие не меньшее количество злодеяний, таковыми опять же официально не считаются. Ведь мы победили. Победили и в Великой Отечественной войне, и в войне против собственного народа. А поэтому у нас и ветераны карательно-палаческих войск НКВД считаются ветеранами войны и пользуются соответствующими льготами. Поэтому нам не стоит удивляться тому, что в Прибалтике и на Украине очень снисходительно относятся к подобным «ветеранам».

В чем, на наш взгляд, состоит историческое значение денацификации и наказания нацистских преступников? Обычно его сводят к тому, что это был первый пример показательного осуждения и наказания агрессора, приводя в пример Нюрнбергский процесс – «суд народов» и т.д. Как нам представляется, историческое значе-

ние этого феномена еще и в том, что в ходе денацификации человечеству впервые в его была продемонстрирована *технология полной дефашизации общества*. Именно по аналогии с денацификацией позднее появились такие термины, как «дебаасизация» – для Ирака, «деарафатизация» – для палестинской автономии, «декоммунизация» – для бывших «стран социализма». При этом весьма убедительно было доказано, что с наибольшей эффективностью этот процесс реализуется только при активном воздействии извне, а именно – при временной оккупации страны вооруженными силами стран антифашистской коалиции. Это вообще очень важный момент, имеющий гносеологическое значение. Приходится признать, что существуют ситуации, когда роль по-настоящему глубокой, радикальной революции, до конца выкорчевывающей реакционный традиционализм (в данном случае – многовековой немецкий милитаризм) – могут выполнять только иностранная интервенция, насильственное устранение правящего режима и последующая длительная оккупация страны. В концепции «чистого» международного права этот вывод, может быть, и не укладывается. Но, возможно, для нас будут небезынтересны размышления по этому поводу израильского публициста, бывшего российского ученого-диссидента А. Воронеля. «Послегитлеровская Германия, – пишет он, – обязана своим сегодняшним демократизмом именно этому нарушению юридической правомочности. Также и расцвет Японии произошел благодаря страшному военному разгрому и последующей многолетней оккупации. Не будем себя обманывать – никакого другого пути к демократии у них не было»¹³.

Да, скажем и мы, другого выхода действительно не было. И международное право существует не для того, чтобы им прикрывались негодяи, захватившие власть и десятилетиями мучающие свои народы. Примеров тому масса. Например, Бокасса ел людей (в том числе детей) – и пришлось вмешаться Франции, пакистанская военщина уничтожала бенгальский народ – и пришлось вмешаться Индии, полпотовская банда вырезала треть Камбоджи – и пришлось вмешаться Вьетнаму, Норьега превратил Панаму в наркопритон – и пришлось вмешаться Соединенным Штатам Америки. Примеры подобных вмешательств можно множить и множить. Кстати, и ситуация с Ираком вполне, на наш взгляд, вписывается в этот перечень. К сожалению, в истории нашего с

¹³ *Воронель А.* Крик у стены плача // Новое время. №11. С. 25.

вами государства практически нет примеров подобных гуманитарных интервенций, а только сплошь одни агрессивные выпады – 1939–1940 годах против народов Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, в 1956 году – против венгерского народа, а в 1968 году – против чехов и словаков. И это очень печально. Ведь если на то пошло, величие таких стран, как США и Великобритания, состоит прежде всего в том, что они ни своих гитлеров и сталиных не вырастили, ни перед чужими не распластались – в отличие соответственно от Германии, России и Франции. И никто и никакими силами не заставит думающих людей забыть об этом. Историю не перепишешь!

Вот об этом стоило бы подумать неутомимым обличителям «американского империализма» в случаях с Ираком, Панамой, Гренадой, да и с Югославией. С такими обличениями мы очень напоминаем дебильного второгодника, огрызающегося на справедливые замечания педагога по поводу его нечистоплотности и скудоумия. (Справедливости ради отметим, что таких обличителей не меньше, если не больше, чем в России, – в странах Западной Европы. Но это не делает позицию оппортунистов, соглашателей и прямых капитулянтов перед злом тоталитарных диктатур более убедительной). России же, на наш взгляд, куда как лучше было бы не противопоставлять себя западным демократиям, изображая какой-то свой мифический вычурно-особенный путь развития, а всемерно сотрудничать с ними, в том числе и в деле освобождения человечества от тоталитаризма. Право же, не стоило и не стоит нам расписываться в пламенной дружбе с Ираном, Ливией, Северной Кореей, Туркменией и другими подобными им странами, где господствуют ублюдочные феодально-фашистские режимы. Если уж на то пошло, то то и помочь нам они никогда не смогут и не захотят.

Но вернемся к денацификации. Если исходить из того, что между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией было много общего (что, на наш взгляд, не подлежит сомнению), то практика денацификации при известных обстоятельствах могла бы быть применима и к нашей стране в 1990-е годы. О необходимости декоммунизации бывшего советского общества в свое время писалось и говорилось много, но дело до этого не дошло. К глубокому несчастью для нашей страны наши доморожденные палачи и преступники-коммунисты, как и вся преступная коммунистическая партия, ушли от заслуженного ими возмездия. Как

нам представляется, такой исход, к сожалению, был запрограммирован: за десятки лет коммунистического правления наш народ был полностью дезориентирован политически и социально, став по сути народом-рабом, народом, утратившим свое самосознание и неспособным противостоять навязанной ему кровавой большевистской диктатуре. Те же немногие здоровые силы, которые в нашем народе оставались, непрерывно подвергались жесточайшему террору и по сути планомерно истреблялись.

И здесь надо заметить следующее. Традиционно у нас народ всегда неподсуден с морально-нравственной точки зрения. Любое нелестное слово о народе вызывает в ответ истошные вопли фальшивых «друзей» народа: «руссофобия», «кошунство», «святотатство» и т.д. Конечно, куда как проще обвинять во всех наших бедах проклятый американский империализм, а не самих себя. Легче всего свое элементарное неумение ни нормально жить, ни нормально работать оправдывать последствиями войны, которая завершилась уже шесть десятилетий назад и о которой весь мир, кроме нас, давно уже забыл в плане ее экономических и демографических последствий. К сожалению, никуда не деться от того факта, что наш народ в революции 1989–1993 годов в очередной раз дал возможность собой манипулировать, пойдя за хитрованами-перевертышами, вчерашними «компартайгеноссен». Вот и получили от них то, что они только и могли дать. А ничего другого они дать и не могли, и не хотели. В результате мы и имеем сейчас до предела коррумпированную страну с ужасающим уровнем уголовной и экономической преступности, страну, моральное состояние общества в которой просто пугает и не выдерживает никакой критики.

И последнее. Излечение нашей страны от коммунизма (в отличие от Германии с ее нацизмом) обещает быть долгим и нелегким. Тем не менее решать свои безмерно застарелые проблемы нам все равно придется. И если мы не сможем решить их сами, то это произойдет уже с помощью «извне», то есть с помощью мирового сообщества. Но, наверное, лучше все-таки будет (если мы не хотим вообще потерять свою государственность) самим разорвать последние остатки пуповины, связывающие нас с нашим страшным прошлым. Второй этап мирных антикоммунистических революций уже начался. Народы Грузии, Украины, а теперь уже и Киргизии сделали первые шаги на этом пути. Очередь за Россией.

Использованная литература

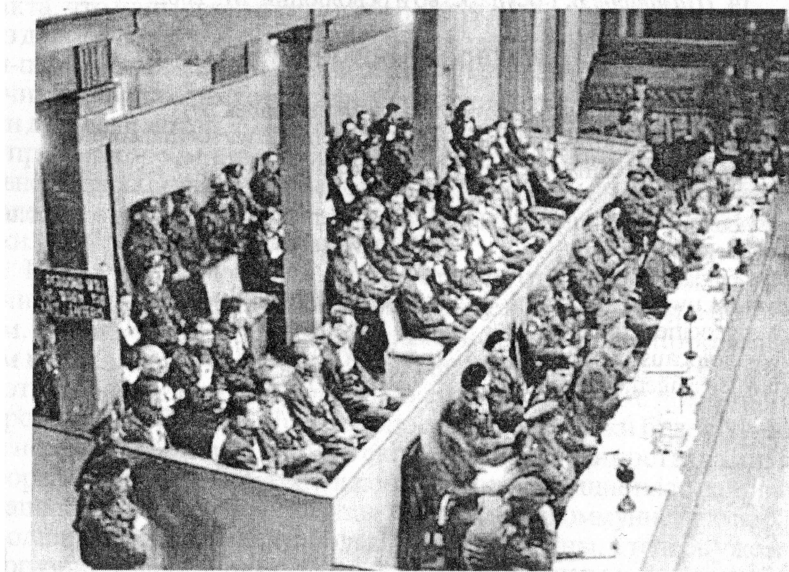
1. *Taake Claudia*. Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998.
2. *Schäfer Silke*. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002.
3. *Залесский К.А.* Вожди и военачальники Третьего рейха. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
4. *Залесский К.А.* РСХА. М., 2004.
5. *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003.
6. *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1987.
7. *Нюрнбергский процесс*. Сборник материалов. В 8 т. М., 1991.
8. *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004.
9. *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991.
10. *СС в действии*. Документы о преступлениях СС. М., 2000.
11. *Уильямсон Г.* СС – инструмент террора. Смоленск, 1999.
12. *Хёне Г.* Орден «Мертвая голова». История СС. Смоленск, 2002.
13. *Хёне Г.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003.
14. *Шамбаров В.* Государство и революции. М., 2002.

Интернет-источники

www.achtung.fhost.ru/	www.majdanek.pl/
www.auschwitz-muzeum.oswiecim.pl/	www.motlc.wiesenthal.com/
www.axishistory.com/	www.mvcr.cz/
www.bethshalom.com/	www.remember.org/
www.bis.uni-oldenburg.de.	www.richard.clark32.btinternet.co.uk/
www.deathcamps.org/	www.shoa.de/
www.english.gfh.org.il/	www.skalman.nu/
www.ess.uwe.ac.uk/	www.stutthof.pl/
www.geocities.com/	www.tajchert.w.interia.pl/
www.holocaust-history.org/	www.wv2.ee/
www.jewishgen.org/	www.yale.edu/

1. Ворота Освенцима – злоеющие ворота смерти

2. Идет Берген-Бельзенский процесс

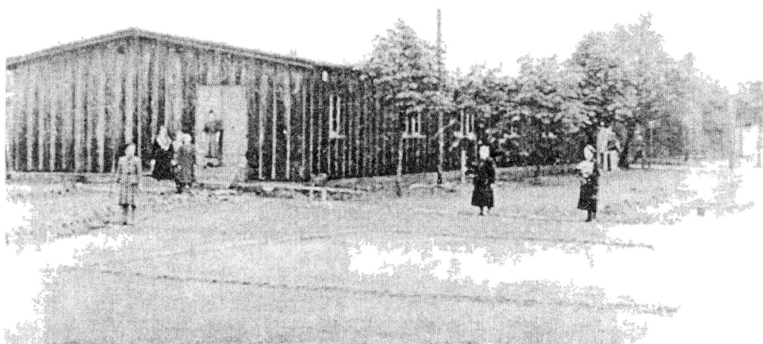
3. Скамья подсудимых первого Штуттгофского процесса

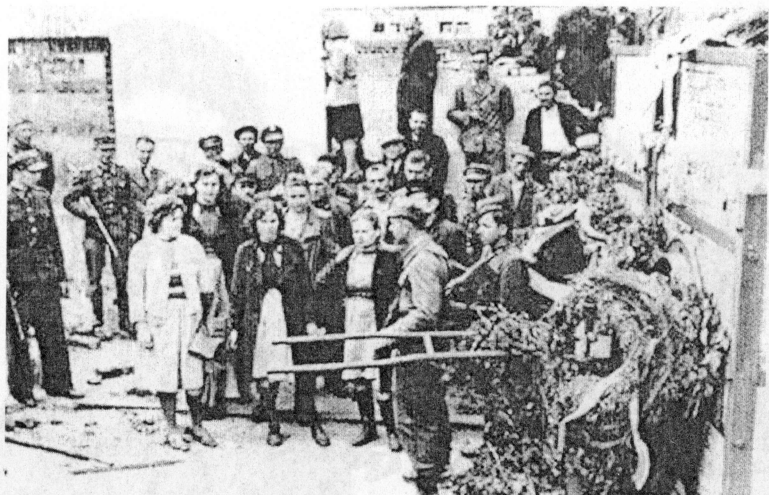
4. Скамья подсудимых первого Равенсбрюкского процесса

5. На скамье подсудимых женщины – бывшие надзирательницы концлагеря Берген-Бельзен. Первый ряд слева направо: Э.Фолкенрат (№ 7), Г.Элерт (№ 8), И.Грезе (№ 9), И.Лотте (№ 10) и Х.Лобауэр (№ 11).
Э.Фолкенрат и И.Грезе по приговору суда были повешены.

6. Бывшие надзирательницы в лагере для интернированных. Их «подопечные» жили, пожалуй, хуже...

7. Бывшие надзирательницы Штуттгофа на месте своих преступлений

8. Бывшие надзирательницы захоранивают трупы погибших

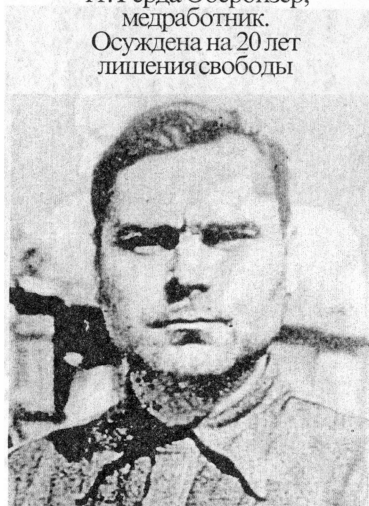
9. Интернированные надзирательницы Берген-Бельзена

10. Какие выразительные лица были у надзирательниц Берген-Бельзена!
Крайняя справа – Герда Боте, доживающая свои дни
в настоящее время в Германии

11. Герда Оберойзер,
медработник.
Осуждена на 20 лет
лишения свободы

13. Гауптштурмфюрер Крамер—
камендант Берген Бельзена.
Повешен

12. Герман Гесс,
комендант Освенцима.
Повешен по приговору суда

14. Доротея Бинц,
надзирательница
концлагеря Равенсбрюк.
Повешена по приговору
английского военного трибунала

15. Гермина Браунштейнер,
надзирательница Майданека
и Освенцима.

Возмездие настигло ее
через 36 лет после войны

16. Дженни Баркманн,
надзирательница Штуттгофа.
Повешена по приговору
польского суда

17. Артур Либехеншель,
комендант
Майданека и Освенцима

18. Вера Зальвекварт,
бывшая медсестра
концлагеря Равенсбрюк.
Повешена по приговору
английского военного трибунала

19. Карл Кох, комендант
Бухенвальда, расстрелян по
приговору своего
же эсэсовского суда

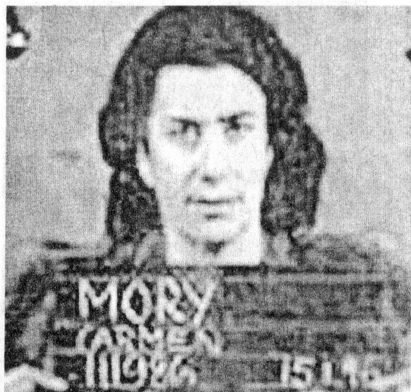
20. Ильзе Кох, его жена,
покончила с собой,
отбывая пожизненное
тюремное заключение

21. Эльзе Эрих, надзирательница
Майданека. Повешена
по приговору польского суда

22. Мария Мандель, надзирательница
Освенцима. Повешена по приговору
польского суда

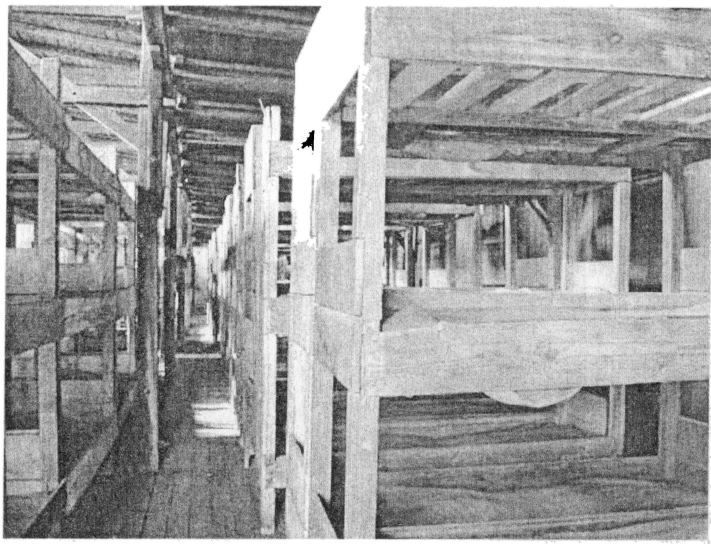

23. Кармен Мори,
медсестра Равенсбрюка.
Повешена по приговору
английского военного трибунала

24. Ирма Грезе,
надзирательница
Освенцима и Берген-Бельзена.
Повешена по приговору
английского военного трибунала

25. Иоган Паулс,
комендант Штуттгофа.
Повешен по приговору
польского суда

26. Нары Майданека

27. Фриц Зюрен,
комендант Равенсбрюка.
Растрелян по приговору
французского суда

28. Терез-Рози Брандль,
надзирательница Освенцима.
Повешена по приговору
польского суда

29. Елизабет Беккер (впереди),
надзирательница Штуттгофа.
Повешена по приговору
польского суда

30. Елизабет Лупка,
надзирательница Освенцима.
Повешена по приговору
польского суда

31. Майданек сегодня

32. Мемориальный музей
концлагеря Майданек